

Десять Жемчужин Судьбы

Людмила Макухина

Десять жемчужин судьбы, глава 1

«Автор»

2026

Макухина Л. П.

Десять жемчужин судьбы, глава 1 / Л. П. Макухина — «Автор»,
2026

Магические приключения наших домашних кошек Бусинки и Лили. В которых будут перемешаны реальные и выдуманные события. Надеюсь, что получится увлекательно. Чтобы не пропускать обновления, подписывайтесь. Планируемый формат - 10 жемчужин = 10 глав. Количество частей в каждой главе пока не определено. Выходить новые части будут по субботам. Очень интересно ваше мнение. Приятного прочтение.

© Макухина Л. П., 2026

© Автор, 2026

Людмила Макухина

Десять жемчужин судьбы, глава 1

Глава 1

ДЕСЯТЬ ЖЕМЧУЖИН СУДЬБЫ

Первая книга. Глава первая. Ночь, когда ожили жемчужины

В ту ночь часы в доме ведьмы остановились.

Не все сразу. Сначала замерли большие часы у камина. Потом — маленькие серебряные часики на полке. Последними остановились песочные часы, хотя песок в них продолжал падать ещё несколько мгновений после того, как всё вокруг затихло.

Ведьма заметила это не сразу.

Она сидела у очага, склонившись над старой книгой, и прислушивалась к звукам за стеной. За окнами бушевал ветер. Ветки царапали стекло, огонь в камине то вздымался, то почти угасал, а в глубине дома тихо мурлыкала кошка.

Её кошка.

Ведьма подняла голову.

— Уже? — спросила она, хотя рядом никого не было.

Ответом стал тонкий, едва различимый писк.

Родился первый котёнок.

Ведьма закрыла книгу.

Она знала эту кошку много лет. Знала её повадки, её привычки, её странную способность появляться в тех комнатах, двери которых были заперты. Знала, что животное чувствует магию прежде, чем та проявляется, и иногда смотрит в пустоту так, словно видит кого-то, кто стоит по другую сторону мира.

Но даже ведьма не могла знать всего, что было скрыто в крови её маленькой спутницы.

Вскоре рядом с первым котёнком появился второй.

Оба были крошечными, беспомощными и совершенно обычными на первый взгляд. Один шевельнулся, уткнулся носом в материнскую шерсть и затих. Второй, то, что поменьше, вдруг открыл глаза.

Ведьма замерла.

Глаза котёнка ещё не должны были открыться так рано.

В глубине зрачков котёнка на мгновение вспыхнуло золотистое сияние.

И в ту же секунду из дальней комнаты донёсся звон.

Тонкий. Чистый. Почти невозможный.

Ведьма вскочила так резко, что книга упала на пол.

На столе у дальней стены в хрустальной шкатулке лежало ожерелье из десяти серо-серебристых жемчужин. Ведьма хранила его там много столетий, под семью замками, тремя защитными кругами и заклятием, которое не позволило бы прикоснуться к нему даже самому искусному магу.

Она пробовала всё.

Заклинания древних королей. Слова, давно пропавших народов. Обряды, за которые другие колдуньи отдали бы собственную жизнь.

Ничего.

Жемчужины оставались холодными, безмолвными и неподвижными.

До этой ночи.

Теперь по их гладким поверхностям пробегал свет. Сначала бледно-голубой, затем серебряный, а потом — яркий, почти неоновый, словно внутри каждой жемчужины проснулась крошечная звезда.

Свет переливался от одной к другой, пока все десять не вспыхнули одновременно.

Ведьма медленно подошла к столу.

— Нет, — прошептала она.

Жемчужины не могли ошибиться.

Она знала старое предсказание. Знала каждое слово, хотя никогда не произносила его вслух.

Когда появится тот, кого не сумеет избрать ни один властелин, оживёт то, что не подчинилось даже величайшему из магов.

Ведьма всегда считала эти слова красивой, но бессмысленной загадкой. Она была сильнейшей в этом мире. Она подчинила себе древние силы, научилась заглядывать за границы миров и находить тропы, которых не существовало на картах.

Кто мог быть могущественнее её?

Свет на столе вдруг изменился.

По жемчужинам прокатилась волна — от первой до последней, словно невидимая рука провела по струнам музыкального инструмента.

А затем все десять повернулись к двери.

Не физически. Не сдвинувшись ни на волос.

Но ведьма поняла: они смотрят.

Туда, где в соседней комнате, лежала крошечная дымчато-серая кошечка.

Ведьма отступила на шаг.

Впервые за много столетий она почувствовала не гнев, не раздражение и даже не опасность.

Страх.

Месяц, который нельзя было отнять

Ведьма пришла к кошке на следующий вечер.

За окном медленно кружился снег. В очаге потрескивали дрова, а два котёнка, прижавшись друг к другу, спали на мягкой подстилке. Их мать лежала рядом, обвив малышей хвостом.

Ведьма держала в руке ожившее ожерелье. Она больше не выпускала его из пальцев: перебирала жемчужины одну за другой, словно чётки, и время от времени поглядывала на них, будто опасалась, что они снова начнут двигаться сами по себе.

Кошка заметила это сразу.

Она знала: ожерелье всегда хранилось в шкатулке и никогда не покидало её. Ведьма не доставала его без причины. Но теперь жемчужины ожили, и хозяйка не решалась расстаться с ними даже на мгновение.

— Ты понимаешь, почему я должна это сделать, — произнесла ведьма.

Кошка подняла голову.

Ведьма привыкла разговаривать с ней, как с магическим существом, понимающим человеческую речь. За долгие годы между ними возникло нечто похожее на молчаливое соглашение. Кошка никогда не пыталась узнать секреты хозяйки, а ведьма не требовала от неё невозможного.

Но сейчас прежние правила больше не действовали.

— Эта малышка опасна, — продолжила ведьма. — Не для меня одной. Для всего, что я создавала столетиями.

Кошка посмотрела на дымчатого котёнка, беззаботно спавшего рядом с братом.

Ведьма заметила этот взгляд.

— Не смотри на меня так. Я не собираюсь её убивать.

Кошка медленно поднялась.

В её глазах не было ни злости, ни мольбы. Только спокойная решимость.

Она подошла к ведьме и коснулась лапой её руки.

На мгновение между ними вспыхнул тонкий серебряный свет.

Ведьма замерла.

Это был древний жест заключения договора — настолько старый, что его значение почти забыли даже те, кто владел магией. Договор, скреплённый не словами, а намерением, нельзя было нарушить без последствий.

— Ты торгуешься со мной? — тихо спросила ведьма.

Кошка не отступила.

— Хорошо, — наконец произнесла та. — Один месяц.

Она помолчала, затем добавила:

— Тридцать дней. Ты останешься с котятками, будешь кормить их и заботиться о них. Но после этого ты не станешь искать девочку. Не попытаешься проследить за ней, не пошлешь вслед свою магию и не откроешь дорогу к месту, где я её оставлю.

Кошка слушала неподвижно.

— Если нарушишь договор, я узнаю.

Серебряный свет погас.

Ведьма считала, что получила всё, чего хотела.

Она ошибалась.

Для неё месяц был лишь отсрочкой. Для матери он становился целой жизнью, которую предстояло вместить в тридцать коротких дней.

Она знала, что не сможет защитить дочь от ведьмы. Не сможет отправиться за ней. Не сможет даже позволить себе искать её, когда та исчезнет за границей знакомого мира.

Но она могла сделать другое.

Передать ей то, что невозможно было отнять одним заклинанием.

В первые дни котята почти не отличались друг от друга.

Они спали, ели, смешно перебирали лапками и прижимались к матери, когда в комнате становилось прохладно. Брат был чуть крупнее физически, но характер больше проявляла дочка: первой выбиралась из подстилки, первой тянулась к незнакомым предметам и первой пыталась поймать хвост собственной матери.

Брат чаще наблюдал.

Он любил долго лежать, прижавшись к тёплому боку матери, тогда как сестра обожала смотреть на огонь. Иногда пламя отражалось в её глазах золотым светом, которого там не должно было быть.

Мать замечала каждую такую искру.

Когда ведьма уходила из комнаты, кошка начинала учить малышей.

Она показывала им, как слушать тишину, как замечать движение воздуха перед тем, как откроется дверь, как различать обычный запах трав и тот, за которым скрывается магия.

Она учила их чувствовать, когда рядом кто-то чужой, даже если его не видно.

Сестра обычно превращала занятия в игру. Она прыгала на тени, хватала лапами колеблющиеся отблески и иногда так увлекалась, что забывала обо всём остальном.

Брат был другим.

Он не всегда понимал, что именно от него хотят, но просто старался повторять движения матери.

Когда ведьмы не было рядом, кошка касалась лбом сестры и котёнок замирал, словно пытался запомнить нечто большее, чем прикосновение.

Именно тогда мать передавала ей свои знания о магии.

Совсем немного. Ровно столько, сколько крошечное сознание могло принять, не причинив себе вреда.

Ведьма обладала силой, о которой слагали легенды. Кошка-мать не могла сравниться с ней в могуществе. Но у неё было то, чего нельзя было получить через заклинания или отнять силой: знания, накопленные предыдущими поколениями, и любовь, которая не требовала ничего взамен.

Она вкладывала в дочь всё, что знала.

Не надеясь победить ведьму.

А надеясь, что однажды дочка сможет защитить себя сама.

По ночам, когда котята засыпали, мать продолжала учить их во сне.

Она прижималась к ним, касалась носом маленьких лбов и тихо мурлыкала. Её мурлыканье было не просто звуком. В нём скрывались древние ритмы, повторяющиеся из поколения в поколение.

Для брата это было спокойствие.

Для сестры — первые крупинки памяти, которые однажды станут чем-то большим.

Она не могла запомнить всё. Её сознание было слишком юным, а магические способности ещё не пробудились. Многие знания растворялись, не успев укорениться.

Но кое-что оставалось.

Тепло у очага.

Запах материнской шерсти.

Ощущение, что рядом есть кто-то, кому можно доверять.

Мать не знала, сколько из переданного сохранится. Ведьма собиралась стереть все эти воспоминания и запечатать способности, чтобы перекрыть доступ к магии.

Но она не могла знать наверняка, что именно останется в глубине подсознания.

Мать надеялась, что любовь окажется сильнее заклятия.

Кошка долго смотрела на двух малышей, прижавшихся к её пушистому боку. Маленькая дочка с мягкой серо-дымчатой шерстью, напоминавшей жемчужины древнего ожерелья, тихонько перебирала лапками, словно уже куда-то спешила. Её брат был совсем другим — таким же чёрным, как и сама мать, с густой блестящей шерстью и крошечными тёмными ушками.

- Тебя я назову Бусинкой, - прошептала кошка дочери. — Ты похожа на маленькую жемчужину. И однажды тебе предстоит отправиться туда, куда я не смогу пойти вместе с тобой.

Затем она повернулась к чёрному котёнку и бережно коснулась носом его лба.

- А ты будешь Тенью.

Малыш пошевелил ушами.

-Когда-нибудь твоей сестре понадобится помощь. И тогда ты последуешь за ней — тихо, незаметно, не стремясь оказаться впереди. Ты будешь рядом, когда ей станет трудно. Поможешь ей увидеть то, чего она сама не заметит и защитишь, если придёт опасность.

Кошка ласково обняла обоих хвостом.

-Запомни, мой маленький Тень: быть в тени не значит быть слабым. Иногда именно тот, кого никто не замечает, способен изменить многое.

Тридцатый день наступил незаметно.

Утро было ясным и холодным. Ветер стих, а на подоконнике лежала тонкая полоска солнечного света.

Ведьма вошла в комнату, когда котята играли у очага.

Тень гонял по полу сухой листок. Буся сидела рядом и следила за ним, иногда неуклюже подпрыгивая, когда листок пролетал слишком близко.

Ведьма остановилась у двери.

— Пора.

Мать Буси услышала это слово, но не пошевелилась.

Только кончики её усов дрогнули, а когти медленно впились в подстилку. В груди стало тесно, дыхание на мгновение сбилось, но она заставила себя не опустить взгляд. Если она сейчас выдаст страх, котята почувствуют его раньше, чем поймут, что происходит.

Она продолжала спокойно сидеть рядом с ними, будто ничего не происходило.

Ведьма подошла и протянула руки.

Брат первым заметил незнакомое движение. Он замер, потом посмотрел на мать. Та мягко коснулась его носом.

Всё хорошо.

Так говорило её прикосновение.

Не бойся.

Она не могла объяснить ему, что произойдёт дальше. Не могла рассказать, почему ведьма заберёт его сестру и почему он больше не увидит её рядом с собой.

Она могла оставить ему спокойствие, которое он почувствует даже тогда, когда ничего не поймёт.

Ведьма подняла Бусю.

Крошечная кошечка не сопротивлялась. Она только повернула голову к матери и тихо пискнула.

Мать ответила ей привычным мурлыканьем.

Но голос предательски стал тише. В горле стоял сухой комок, а под шерстью мелко дрожали мышцы. Она чувствовала, как тепло дочери уходит от её тела, как между ними растёт пустота, ещё не ставшая расстоянием.

Она не скулила. Не бросалась к ведьме. Не пыталась вырвать дочь из её рук.

Она знала: если Буся испугается, это станет последним воспоминанием, которое ведьма позволит ей сохранить.

Поэтому кошка подняла глаза на дочь и задержала взгляд. В дымчатых глазах Буси дрожал огонёк очага, а зрачки были расширены от непонимания. Мать смотрела прямо, не отводя взгляда, хотя собственное зрение уже мутилось от слёз.

Она улыбнулась по-своему — чуть прикрыла глаза и коснулась носом маленькой лапки дочери. Лапка была тёплой, мягкой, с едва заметно подрагивающими пальцами. Кошка задержала прикосновение на одно дыхание дольше, чем обычно, словно могла удержать этим движением весь оставшийся месяц.

Запомни тепло.

Запомни, что ты не одна.

Запомни, что тебя любили.

Ведьма отвернулась к выходу.

Брат шагнул следом, но мать остановила его мягким движением хвоста. Он посмотрел на сестру, потом на мать и замер. Он чувствовал напряжение, которое невозможно было объяснить, но спокойствие матери оказалось сильнее тревоги.

Буся ещё раз пискнула.

Мать едва заметно дёрнулась всем телом, но не двинулась с места. Её взгляд оставался прикован к маленькой мордочке, пока та не скрылась за плечом ведьмы.

И дверь закрылась.

Ведьма вышла во двор.

Вокруг её рук поднялось тёмное облако, расцвеченное тонкими серебряными вспышками. Воздух задрожал, снег у порога закружился в маленьком вихре.

Через мгновение ведьма и котёнок исчезли.

Мать Буси не двигалась ещё долго.

Она продолжала смотреть на дверь, словно надеялась, что та снова откроется. В комнате всё ещё держался запах дочери — тёплый, молочный, едва уловимый. Он смешивался с холодом, ворвавшимся с улицы, и от этого становилось труднее дышать.

Потом медленно опустила голову.

Одна слеза скатилась по её мордочке и упала на пол.

Тень прижался к её боку.

Кошка обняла его хвостом и закрыла глаза. Под веками всё ещё стоял последний взгляд Буси — растерянный, доверчивый, слишком маленький для прощания.

Она не могла искать Бусю. Не могла нарушить договор. Не могла отправиться вслед за дочерью даже тогда, когда почувствует её боль.

Но она верила, что передала ей достаточно.

Не силу, способную разрушать миры.

Не власть, заставляющую других склоняться.

А то, что поможет Бусе однажды найти дорогу домой, даже если она забудет, где этот дом находился.

Материнскую любовь.

И надежду, которую не сможет уничтожить даже ведьма.